

23

833

ЛЮКСЕМБУРГ

**ВВЕДЕНИЕ
В ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ЭКОНОМИЮ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

33
Л-946

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭКОНОМИЮ

ПЕРЕВОД С ПРОВЕРЕННОГО
НЕМЕЦКОГО ТЕКСТА

1700

✓ 5434

Проверено 26 г.

~~НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ~~

БИБЛИОТЕКА
Дома Культуры
Л. Г. С. П. С
Моск.-Нарв. Района.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

А. Тальгеймер.

О книге Розы Люксембург „Введение в политическую экономию“.

1. К истории возникновения книги.

Сведения, сообщаемые редактором Паулем Леви ¹⁾ об истории возникновения этой книги Розы Люксембург, весьма скудны. Он сообщает, что книга возникла из лекций, читанных ею в социал-демократической партийной школе; что книга незаконченна; что нельзя установить, осталась ли она недописанной автором, или же части рукописи были украдены агентами Носке, ворвавшимися в квартиру Розы. Часть книги, сообщает Леви, написана еще до войны, остальное — в первую половину войны.

Итак, книга представляет собой фрагмент, вернее — фрагмент фрагмента. Этого не следует забывать.

То, что мы имеем, обнимает следующие главы:

1) «Что такое политическая экономия?» — разбор взглядов буржуазной политической экономии на историческую сущность, возникновение и исторические границы экономической науки;

---

¹⁾ Статья А. Тальгеймара (в переводе Ис. Румера) была напечатана в № 4 журнала „Под знаменем марксизма“ за 1925 г. Перепечатывая эту статью в качестве предисловия к настоящему изданию, редакция внесла в нее некоторые изменения, а именно: все цитаты из книги Розы Люксембург „Введение в политическую экономию“ сделаны согласно прилагаемому нами новому переводу с указанием соответствующих страниц данного издания.
Прим. ред.

2) две объемистые главы, посвященные истории возникновения, различным формам и разложению первобытного коммунизма и, далее, средневеково-феодалному хозяйству;

3) глава о товарном производстве;

4) глава о законе заработной платы;

5) глава о тенденциях капиталистического хозяйства.

Весь тот обширный круг вопросов, которые исследуются Марксом в трех книгах «Капитала», — процесс производства и обращения капитала и капиталистический процесс в целом, — частью лишь бегло затронут, частью не рассматривается вовсе.

Из текста книги как будто обнаруживается, что Розой Люксембург было написано больше, чем опубликовано в издании Леви. Так, на стр. 291 мы читаем:

«Отсюда, как мы видели, вытекает неизбежность промышленных и торговых кризисов» и т. д. Между тем в предлагаемой книге эта тема вовсе не затрагивается. Однако приведенная фраза сама по себе еще не доказывает, что Роза Люксембург действительно писала об этом вопросе. Книга имеет форму лекций. В курсе, читавшемся ею в партийной школе, Роза Люксембург обычно излагала в лекционной форме только историю докапиталистического хозяйства. Затем следовало чтение «Капитала» (I тома) в форме семинарских упражнений. Об этих упражнениях у ее бывших учеников сохранилось самое блестящее воспоминание благодаря суверенному владению материалом, несравненной живости, остроте мысли и педагогическому мастерству, проявлявшимся при этом Розой Люксембург. Настоящая книга, как бы блестящи ни были отдельные ее части, является все-таки лишь слабым отблеском ее живого преподавания. Впрочем, наверное существует еще целый ряд записей ее лекций бывшими учениками партийной школы. Эти записи следует собрать и обработать для восполнения настоящей книги.

Из сказанного следует, что приведенная выше ссылка на прежнее рассмотрение вопроса о торговых кризисах не должна непременно относиться к литературной обработке предмета; она может иметь в виду и его обсуждение во время семинарских упражнений.

Относительно позднейшего срока, когда могло быть начато составление книги, дает указание следующее место:

«...во Франции для борьбы с социалистическими союзами были основаны так называемые желтые профессиональные союзы. В России самые яркие вспышки современного революционного массового стачечного движения исходили от «желтых», законопослушных профессиональных организаций» (стр. 274).

Этим устанавливается 1905 год, как позднейший срок для начала написания книги.

С другой стороны, известно, что Роза Люксембург работала над этой книгой еще во время войны, в тюрьме. Составление книги заняло, таким образом, десять лет слишком.

Как мы узнали, Роза Люксембург оставила краткое письменное указание, какие части книги она считает вполне законченными и готовыми к печати и какие нет. Этого указания Пауль Леви, очевидно, не видел, иначе он, наверное, упомянул бы о нем.

Что касается его редакторской работы, то она оставляет желать многого. Редактор обязан дать читателю возможно более точные сведения об обстоятельствах, при которых была написана книга, о характере имевшихся в его распоряжении материалов и т. д. Как мы видели, сведения, сообщаемые им на этот счет, весьма недостаточны. Далее, мы были бы вправе ожидать тщательно проработанного текста. Но уже при первом беглом прочтении бросаются в глаза некоторые опечатки или описки, легко поддающиеся исправлению.

На стр. 4 ¹⁾ мы встречаем, например:

«Что неясное определение сущности политической экономии в самом деле является спорным вопросом, в этом можно убедиться на основании одного внешнего обстоятельства».

Здесь, конечно, должно стоять «ясное».

На стр. 38 английские изобретатели Arkwright и Cartwright искажены в Serkwright и Cartright.

На стр. 81 эпоха Юлия Цезаря определяется словами: «тысячу лет тому назад».

На стр. 100, по поводу исследований Моргана, говорится:

«Таким образом революционным устремлениям к буду-

¹⁾ Во всех этих примерах указаны страницы немецкого текста. Прим. пер.

щему протягивала руку аристократическая традиция седого прошлого» и т. д. «Аристократическая» — здесь явно не годится.

На стр. 175 мы читаем следующую цитату из «Капитала» Маркса:

«Простота производственного механизма этих самодевуемых общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну непонятности (вместо «неизменности». А. Т.) азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новобразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий».

На стр. 241, где идет речь об особенностях товара, представляемого рабочей силой, напечатано «Besonderlichkeit» вместо «Besonderheit».

На стр. 244 Humboldt превращен в Humpoldt'a.

Это, конечно, только наиболее яркие примеры. Вместе с остальными ошибками они по меньшей мере доказывают, что редактор, каковы бы ни были его гражданские права на выпуск книги, мало думал о том, имеет ли он на это дело научные права.

Ясно также, что он ни в малейшей мере не сознавал, что революционный дух, которым веет от каждой буквы этой книги, должен был бы именно его заставить отказаться от роли человека, до известной степени знакомящего рабочую публику с Розой Люксембург.

Читатель не должен ждать от книги Розы Люксембург простой популяризации политико-экономических учений Маркса. Книга дает одновременно и меньше и больше. Меньше, поскольку она обнимает только часть марксовской экономической теории; больше, поскольку она содержит и нечто новое — самостоятельные исследования по истории хозяйства в духе и при помощи методов марксизма. Те отделы, в которых излагается ход мысли самого Маркса, оставляют позади себя все, сделанное до сих пор в этой области, остротой и глубиной взгляда и диалектическим блеском изложения. По сравнению с этим «Экономическое учение» Карла Каутского — топорная и плоская работа, местами прямо вводящая в заблуждение, настоящая вульгаризация. Доступность для

пролетарских читателей достигается у Розы Люксембург, в противоположность Каутскому и другим, не за счет глубины мысли, а тем, что теоретические соображения она связывает с повседневным опытом рабочего и с фактами экономической истории, делая, таким образом, теорию наглядной. Роза Люксембург превосходно умеет, далее, выявить революционную сторону исторической диалектики, сделать ее близкой и понятной революционному чувству рабочего. Пролетарский читатель книги чувствует себя затронутым в том, что составляет интимнейшую суть его классового сознания, и чувствует в то же время, как это его сознание приобретает строгую и ясную форму научности.

Само изложение повсюду свидетельствует о несравненном даре живого художественного изображения.

Перейдем теперь к рассмотрению того нового и оригинального, что дает изложение Розы Люксембург.

2. Исторический характер политической экономии.

Роза Люксембург начинает с исследования вопроса: «Что такое политическая экономия?».

Не есть ли это, мог бы спросить иной читатель, «ученое» отцеживание комара? Почему не прямо приступить к «самому делу», не задерживаясь так долго у порога, — к чему эта возня с определением понятия экономической науки?

Астрономы исследуют небесные светила, ботаник — растения, зоолог — животных, — все это совершенно просто.

Но не так просто обстоит дело в политической экономии. Почему?

Потому, что определение характера и предмета политической экономии теснейшим образом связано с основным взглядом на характер капиталистического хозяйства, другими словами — с классовой установкой по отношению к капитализму.

Классическая буржуазная политическая экономия, созданная еще революционной буржуазией, наивно полагает, что законы капиталистического хозяйства, это — открытые, наконец, вечные естественные законы всякого хозяйства вообще, т. е. законы, общеобязательные для всех времен, подобно закону тяготения и т. д. До сих

пор эти законы не были познаны, теперь, наконец, разум открыл их; с ними и должно быть сообразовано действие. То, что несовместимо с этими законами, есть заблуждение, которое нужно устранить.

Это воззрение на политическую экономию совпадает с общим мировоззрением, которое лежит в основе революционной идеологии буржуазии XVIII века и которое нашло свое классическое выражение в так называемом «просвещении» во Франции и Англии. Согласно этому воззрению, буржуазное общество, с его нормами и законами, есть нормальное общество, его нормы и законы суть нормы и законы человеческого разума вообще. Буржуазное общество, в эпоху его борьбы с феодализмом за политическую власть и в первое время после завоевания власти, пока оно еще не встретило политического противника в лице пролетариата, было проникнуто неизбежной наивной иллюзией, что оно представляет собою достигнутую, наконец, цель истории, окончательную форму человеческого общества вообще. Его представление о самом себе было, следовательно, не исторично.

Неизбежной эта иллюзия была потому, что исторический характер буржуазного общества обнаруживается впервые лишь тогда, когда оно уже установилось и когда в его недрах начинают развиваться внутренние противоречия, классовые антагонизмы. Эта иллюзия была также неизбежно связана с ролью буржуазии, как вождя всех угнетенных классов народа в борьбе против феодализма: чтобы быть способной к этой роли, буржуазия должна была питать иллюзию, что она несет свободу всем угнетенным классам, что она создает гармонический общественный строй.

Это воззрение означало самую крайнюю революционную позицию по отношению к феодальному обществу, которое резко противоречило идеалу буржуазного разума.

Но смысл этого воззрения превращается в свою противоположность, как только буржуазный строй оказывается установленным, как только его внутренние противоречия начинают проявляться в войнах и экономических кризисах, как только обнаруживается, что буржуазное общество приносит с собой не благосостояние всех, а небывалую массовую нищету трудящихся классов, как только появляются первые

признаки пролетарской классовой борьбы. Тогда неисторический взгляд на буржуазное общество и его политическую экономию теряет как свою наивность, так и свой революционный характер. Классическая школа политической экономии (Адам Смит, Рикардо) разлагается и превращается в реакционную защиту буржуазного общества против пробуждающегося к сознанию своей исторической роли пролетариата.

Свой вечный и «разумный» характер политическая экономия утверждает теперь уже не против феодального общества, не против прошлого, а против грядущего социализма, она фальшиво подменяет исполненный противоречий, дисгармоничный, анархический характер капиталистического хозяйства другим, гармоническим и стройным, не считаясь с тем, что теперь уже этому резко противоречат факты.

Заблуждение классической политической экономии было научным заблуждением. Ее представители были свободными исследователями. Заблуждение позднейшей политической экономии другого рода. Во всех основных вопросах своей области она уже перестала быть бескорыстным научным исследованием, превратившись в заинтересованную апологию капиталистической эксплуатации. К действительно научным выводам буржуазная политическая экономия приходит еще только во второстепенных вопросах, поскольку научные данные необходимы для практики эксплуатации.

В противоположность этому научный социализм начинает как раз с того места, где обрывается классическая политическая экономия. Его исходным пунктом является исторически преходящий характер капиталистического хозяйства. Этот исходный пункт дан ему фактом развития противоречий внутри самой капиталистической системы. Но этот исходный пункт, превращающий политическую экономию в историческую науку и само капиталистическое хозяйство в преходящее явление, возможен только для научного сознания того класса, который призван быть могильщиком буржуазного общества,—он возможен только для пролетариата.

Политическая экономия становится отныне не наукой о «хозяйстве» вообще, а исторической наукой о капиталистической системе хозяйства. Ее законы суть исторически-диалектические законы, т.-е. законы возникнове-

ния данной хозяйственной формы из предшествующих форм, ее роста и ее разложения.

Исторически-диалектический характер этих законов проявляется в двух направлениях. Во-первых, как превращение законов товарного производства в законы капиталистического производства и, во-вторых, как превращение капиталистического производства в социалистическое.

Особенно ясно вскрывает Роза Люксембург исторически-диалектический характер марксистской экономии, подвергая критическому разбору — столь же острому, сколь исполненному юмора — положения немецких буржуазных экономистов, всех этих Рошеров, Шмоллеров, Бюхеров, Зомбаров. Соответствующие места книги являются блестящими образцами полемики и имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Во-первых, из всей этой профессорской путаницы кое-что проникло в Германии даже в популярные изложения марксистской экономии. Назвать примеры было бы нетрудно. Во-вторых, вся буржуазная интеллигенция, поскольку она вообще занимается политической экономией, барахтается в сетях этой путаницы. Острая, как лезвие ножа, критика Розы Люксембург может кое-кому помочь выпутаться из этих сетей.

Некоторые пункты этой полемики, опирающейся на обширный экономический и исторический материал, следует особенно отметить.

Против застывшего противоположения «промышленного» и «аграрного» государства, составляющего согласно Бюхерам и К^о (и не в меньшей мере согласно Каутским) кардинальный пункт и движущий нерв мировой торговли и империализма, Роза Люксембург пишет, ссылаясь на торговые и хозяйственные сношения между Англией, Германией, Соединенными Штатами и Россией: «Резкая противоположность между промышленностью и сельским хозяйством, из которой будто бы вытекает международный обмен, сама по себе явление преходящее; она все более вытесняется из круга современного культурного мира на его периферию» (стр. 22).

На основе подробного статистического материала она доказывает далее, что мировое хозяйство не есть, как то представляют себе Бюхеры и К^о, система «народных хозяйств», по существу независимых друг от друга и восполняющих

собственные «пробелы» путем внешней торговли, вывозящих свои «излишки» и т. д., но что мировое хозяйство есть связанное всесторонними взаимоотношениями и соответствующим разделением труда органическое целое, части которого определяются всем целым.

Путем сопоставления с первобытным коммунизмом, с хозяйством, основанным на рабском труде, и с феодальным хозяйством она освещает, далее, анархический, бесплановый, бессознательный характер капиталистической системы.

«В то время как бесчисленные отдельные части, — а частное предприятие, даже самое крупное, есть лишь частица огромной хозяйственной системы, охватывающей весь мир, — в то время, следовательно, как эти части строжайше организованы, само целое, так называемое «народное хозяйство», т. е. капиталистическое мировое хозяйство, совершенно не организовано. В этом целом, охватывающем океаны и части света, нет никакого плана, никакой сознательности, никакого регулирования; лишь слепое господство неизвестных, необузданных сил прихотливо царит в хозяйственной жизни людей. Конечно, и в настоящее время над трудящимися массами господствует могучий владыка — капитал. Но его форма правления не деспотия, а анархия» (стр. 62). «Осознать и признать, что анархия есть жизненная стихия капиталистического господства, значит в то же время произнести ему смертный приговор, значит признать, что дни его сочтены. Ясно теперь, почему официальные научные адвокаты капиталистического строя стараются при помощи всяких словесных ухищрений затушевать вопрос и отвлечь внимание от внутреннего содержания всей проблемы к ее внешней оболочке, от мирового хозяйства к «народному хозяйству»...

«...Уже этот основной вопрос, как бы абстрактен и безразличен для социальной борьбы современности он на первый взгляд ни казался, устанавливает специфическую связь между политической экономией, как наукой, и современным пролетариатом, как революционным классом» (стр. 63).

Отсюда вытекают определенные выводы насчет исторического возникновения политической экономии и ее конца.

О ее возникновении Роза Люксембург говорит:

«Наука, имеющая задачей выяснение законов анархического капиталистического способа производства, очевидно, не могла возникнуть до тех пор, пока не сложился этот самый способ производства, пока постепенно не созданы были работой столетий, путем политических и экономических сдвигов, исторические предпосылки классового господства современной буржуазии» (стр. 63).

Политико-экономические поборники капитализма охотно становятся ныне в позу блюстителей беспристрастности, беспартийности своей науки в противовес тенденциозной, «партийной» экономии Маркса.

Перед лицом этого обмана весьма важно указание Розы Люксембург на то, что, пока буржуазия еще занималась политической экономией свободно и непредвзято, она тоже пользовалась этой наукой как революционным оружием против феодализма.

«Но до того, как буржуазия во время Великой французской революции разбила наголову феодализм, она занялась его критикой,—и новая наука, политическая экономия, возникает как одно из важнейших идеологических орудий буржуазии в борьбе против средневекового феодального государства за современное капиталистическое государство» (стр. 67).

«Завоевание политической власти дало буржуазии в руки условия для ее господства. Но на-ряду с философскими, естественно-правовыми и социальными теориями эпохи просвещения политическая экономия, заняв первое место, стала средством самоопределения, формулировкой классового сознания буржуазии, и в качестве таковой она дала толчок к революционным действиям» (стр. 70 и 71).

Зародышевой формой политической экономии был, как известно, меркантилизм, названный так потому, что по этому воззрению «национальное богатство» заключается в золоте или деньгах и создается торговлей (XVI и XVII века).

О социальной и революционной зародышевой форме политической экономии Роза Люксембург метко замечает:

«И как ни грубо еще это учение, оно впервые резко порывает с кругом понятий феодального натурального хозяйства, дает первую смелую критику его и делает первую попытку идеализации торговли, товарного производства и соответствующей торговле формы капитала; наконец, оно

дает первую программу государственной политики, близкую интересам молодой поднимающейся буржуазии» (стр. 68).

Для нас еще важнее, чем вопрос о начале политической экономии, вопрос о ее конце.

По этому поводу Роза Люксембург пишет:

«Если нам понятно теперь, почему политическая экономия возникла лишь полтора века тому назад, то, применяя тот же метод исследования, мы пойдем и дальнейшие судьбы этой науки: если политическая экономия представляет собой науку о специфических законах капиталистического способа производства, то ее существование связано с последним, и она теряет свою базу, коль скоро прекращается этот способ производства.

Иными словами: политическая экономия, как наука, отомрет с того момента, как анархическое хозяйство капитализма уступит место планомерному, сознательно организованному и руководимому всем трудящимся обществом хозяйственному строю. Победа современного рабочего класса и осуществление социализма означают, таким образом, конец политической экономии, как науки» (стр. 71).

«И учение о происхождении капитализма логически приводит к учению о его закате, наука о капиталистическом способе производства—к научному обоснованию социализма, а теоретическое орудие господства буржуазии превращается в орудие революционной борьбы за освобождение пролетариата» (стр. 71—72).

Таково в особенности произведение Карла Маркса.

Это произведение Роза Люксембург характеризует следующим образом:

«Законы капиталистической анархии и ее предстоящего исчезновения, развитые Марксом, понятно, являются лишь продолжением политической экономии, созданной буржуазными учеными, но это продолжение в своих конечных выводах стоит в резком противоречии с исходными пунктами его предшественников. Марксистское учение, это—дитя буржуазной экономии, но дитя, рождение которого стоило матери жизни. В марксистской теории политическая экономия нашла свое завершение и свой конец. За этим должно—если не считать разработки марксистского учения в частных—последовать лишь претворение этого учения в дей-

ствие, т.-е. борьба международного пролетариата за осуществление социалистического хозяйственного строя. Конец политической экономии, как науки, означает, таким образом, всемирно-историческое событие: претворение в действительность планомерно организованного мирового хозяйства. Последняя глава политической экономии, это—социальная революция мирового пролетариата» (стр. 76).

Так ставила Роза Люксембург вопрос до начала социалистической революции в России.

Теперь нужно иначе его ставить и иначе на него отвечать, и именно ввиду тех вопросов, которые выдвигают развертывающаяся социалистическая революция. Экономическая теория Маркса представляет собою формулировку специфических законов капиталистического хозяйства, его возникновения, развития и гибели. Категории этой теории имеют исторический характер в двойном смысле. Во-первых, они описывают определенную форму хозяйства, имеющую историческое начало и исторический конец. Однако, как средства описания этой определенной формы, они имеют не только относительное и историческое значение, но и абсолютное—совершенно так же, как, например, категории, с помощью которых геология описывает определенные периоды истории земли. (В то время как буржуазная наука, в лице Риккерт и его единомышленников, старается вырыть пропасть между «законами» природы и историческими законами, а то и вовсе исключить всякую закономерность из области истории, в действительности дело обстоит, повидимому, так, что естественные науки сами находятся на пути сближения законов природы с историческими законами. С распадением считавшихся до сих пор неразложимыми химических «элементов» сама материя приобретает историю. Даже астрономия все более приобретает историческое лицо. Было бы, мне кажется, интересной задачей рассмотреть с этой точки зрения современное естествознание). Категории марксистской экономии в большей своей части (но не все!) приложимы только к капиталистической форме хозяйства и отчасти к простому товарному производству.

Уже лежащая в основе теории капиталистического товарного хозяйства полярная пара категорий—потребительной и меновой ценности—теряет смысл для всякого общества, не производящего товары. То же самое следует сказать о за-

коне ценности, как регулирующем начале капиталистического хозяйства, а тем самым и о законах, определяющих заработную плату; об историческом законе народонаселения при капитализме, о законах конкуренции, воспроизводства и т. д.

Вообще отпадает особенный вид закономерности капиталистического хозяйства, — именно тот факт, что его ход регулируется законами, которые не входят в качестве норм в сознание и волю хозяйствующих субъектов. Недостаточно было бы сказать, что они просто не входят в сознание капиталистически хозяйствующих лиц. Если бы капиталисты и знали экономию Маркса, это ничего не изменило бы в ходе и характере капиталистического хозяйства. В нем нет регулирующего центра, который мог бы превратить это знание в руководящую норму поведения.

Социалистическое общество, в своем полном развитии, регулирует хозяйство планомерно. В нем нет места «слепым» законам, которые не прошли бы через сознание регулирующего центра, которые не служили бы руководящей нитью для непосредственно общественного действия.

Но когда исчезнут эти слепые законы, исчезнет ли тогда из нового общества закономерность вообще? Сможет ли оно обойтись без всякой экономической теории вообще, без экономической теории другого рода?

Без сомнения, нет.

Уже поскольку планомерность существует в отдельных частях капиталистического хозяйства, например, на фабрике, она вызвала к жизни специальную науку, науку об организации производства, имеющую уже свои учебники, свои периодические издания, свои исследовательские институты и т. д.

Но разве это, может кто-нибудь спросить, действительная «наука»? Основной признак науки—в том, что она представляет собою упорядоченную систему общеобязательных положений, выведенных из опыта,—в противоположность индивидуальным или единичным опытам, которые передаются индивидуально или в ограниченном кругу, без систематической связи, как, например, ремесленный опыт. На наших глазах наука о производстве выросла из опытов отдельных предприятий, директоров фабрик и т. д. путем анализа, обобщения, установления систематической связи. В сущности всякая наука развивается, таким образом, из «ненаучного» ре-2

месленного опыта и предания, не исключая даже математики, которая, как известно, берет свое начало в ремесленной практике древне-египетских и т. д. землемеров, и которая становится «наукой», как только эти опыты подвергаются анализу и систематическому исследованию.

Различные формы первобытно-коммунистического, а также феодального хозяйства могли довольствоваться подобной ремесленной основой для своего общественного регулирования. Роза Люксембург сама превосходно показывает, например, как в первобытные времена нормы общественного регулирования хозяйства частью застывают в религиозные церемонии, культовые действия и т. д., т.-е. принимают потусторонне-фантастические формы, становятся иррациональными и непонятными.

(Было бы интересно исследовать этот процесс перенесения в потусторонность с его формальной стороны.)

Ясно, что социалистическое общество не может превращать свои хозяйственные нормы в фантастические образы.

Возьмем, далее, античное хозяйство, основанное на рабском труде. Оно уже имеет свои учебники ремесленного типа, дающие сводку технических и экономических наставлений, извлеченных из опыта рабовладельцев, — таковы книги Катона Старшего, Варрона, Колумеллы и т. д. То же самое относится к феодальному хозяйству.

Социалистическое общество, конечно, не сможет искать основу для своего общественного регулирования в подобных ремесленных наставлениях. Будучи, на высшей ступени своего развития, мирообъемлющим, оно нуждается в насквозь рациональной систематической теории в строгом смысле слова.

Но в каком отношении находится эта последняя к экономии Маркса?

Маркс сам неоднократно противопоставляет экономические отношения в капиталистическом хозяйстве таковым же в будущем социалистическом хозяйстве, чтобы выявить определенные законы капитализма, как специфические формы всеобщих экономических законов (см., напр., отделы о воспроизводстве капитала). Так, например, отношения величин в схеме простого и расширенного воспроизводства выражают некоторые необходимые количественные отношения между элементами производства, которые должны созна-

тельно соблюдаться в планомерно регулируемом хозяйстве и которые определяют относительный объем и расположение элементов производства — сырья, орудий производства, рабочих сил, средств потребления и т. д. Вообще говоря: если отнять у марксовых законов капиталистической экономии их специфический характер, то останется не пустое место, а ряд всеобщих положений, отношений величины, дающих путеводную нить для общественного регулирования хозяйства, экономическую теорию для обоснования экономических норм, или, если угодно, науку о хозяйстве, которая является основой для искусства хозяйствования.

Экономия Маркса является исходным пунктом для этой науки. Если Роза Люксембург говорит о марксистской экономии, что в социалистическом обществе она упраздняется, то это надо понимать лишь в смысле диалектического отрицания, которое означает не уничтожение, а исчезновение ограниченной специфической формы и восстановление в новом, всеобщем, специфически-ином образе. «Претворение в практику планомерно организованного мирового хозяйства», о котором говорит Роза Люксембург, есть не только практика, но одновременно и теория, руководящая практикой, и практика, проверяющая и расширяющая теорию.

Все это относится к вполне развитому социалистическому хозяйству.

Что же касается до социалистического хозяйства, которое еще только становится, еще только вырабатывается из недр капиталистического, еще вплетено в него, которое должно даже вступать в определенные отношения к простому товарному хозяйству и к различным формам натурального, — то оно, с своей стороны, обнаруживает специфическое смешение капиталистических форм с социалистическим содержанием. Теоретическое уяснение этой переходной формы является неотложным требованием практики, и работа в этой области уже началась. Без путеводной нити марксовой теории и здесь нельзя ступить ни шагу.

Все затронутые здесь вопросы были еще неуловимы до завоевания политической власти рабочим классом какой-нибудь большой страны. Только теперь они вошли в поле нашего зрения. Но отчетливое выявление своеобразного, особенного характера капиталистического произ-

водства и его законов, которое мы находим у Розы Люксембург, и является как раз необходимой предпосылкой для разрешения вопросов, выдвигаемых развитием самого социалистического хозяйства.

3. Анализ докапиталистических форм хозяйства.

Обе главы, посвященные истории хозяйства, являются самыми блестящими частями книги. Опираясь на громадный материал, Роза Люксембург впервые превращает хозяйственные формы первобытного коммунизма и феодализма из сухих застывших схем или бессвязной груды фактов в действительно живую историю докапиталистических форм хозяйства. То, что у Маркса и Энгельса часто лишь намечено немногими словами, получило здесь богатое развитие и пластическое выражение.

Роза Люксембург дает такую историю развития форм первобытного коммунистического хозяйства, которая проливает яркий свет на доисторические времена и древний мир, как бы играя, разъясняет целый ряд основоположных для исторического исследования вопросов и в то же время победоносно выступает против нынешнего тенденциозно-буржуазного искажения первобытно-коммунистического периода.

Гроссе, Липперты, Бюхеры и т. д., вся школа «новых» историков первобытного человечества (теперь в их ряды вступил и Г. Кунов), изо всех сил стараются либо доказать, что первобытного коммунизма не существовало вовсе, либо низвести его на степень незначительного эпизода истории. По их мнению, частная собственность должна была властвовать в истории и до капитализма.

В этом искажении истории выражается не только сознательное стремление подкопать под существующую часть исторического фундамента марксизма и не только неспособность буржуазных ученых смотреть на докапиталистические хозяйственные формы иначе, как сквозь капиталистически-буржуазные очки, но и идейная подготовка условий для уничтожающей борьбы империализма против натурального хозяйства и свободного товарного производства. Свободное и бескорыстное исследование давным давно прекратилось и в этой

области (характерно, что английские антропологи и этнологи ведут сейчас в «Таймсе» энергичную кампанию за учреждение антропологических и этнологических институтов как вспомогательных средств для колониального управления и империалистической политики).

Роза Люксембург принимается прежде всего за господина Эрнста Гроссе¹⁾. Господин Гроссе—страшный «материалист». Даже старику Энгельсу достается от него за то, что он недостаточно тверд в материализме. Энгельс, как известно, утверждал, что в первобытные времена, наряду с производством материальных благ, некоторую самостоятельную роль при развитии семейных отношений играло и производство людей. Эту формулировку Энгельса нельзя назвать удачной. Она формулировала временный пробел в нашем знании о первобытных временах, но вместе с тем она указывала на то, что в основе человеческой истории, и в особенности истории семейных форм, лежат определенные предпосылки из истории животного царства. Этот вопрос, по которому теперь накоплен колоссальный материал, неизвестный во времена Энгельса,—вопрос об очеловечении, о развитии орудий, языка, общественных форм, первоначальных семейных форм из зоологических предпосылок,—еще ждет своей марксистской обработки.

Но что делает Гроссе из первобытной истории? Грубую, плоскую, реакционную карикатуру на исторический материализм и его метод. Семейная форма в данную эпоху, заявляет он, есть всегда непосредственный продукт господствующих в эту эпоху «хозяйственных отношений». Но что понимает Гроссе под «хозяйственными отношениями»? Не что иное, как старинную схему: охота, рыболовство, скотоводство, земледелие,—т.-е. основные для данной эпохи источники народного питания, при чем как раз то, что всякий раз составляет специфический характер «производственных отношений», смазывается в какую-то кашу.

По этому поводу Роза Люксембург вполне правильно замечает:

«Понятие о том, что характер главного источника пропитания данного народа имеет исключительное значение

¹⁾ См. его книгу: «Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft» 1896 г.

для его культурного развития, вовсе не является свеженсеченным открытием г. Гроссе, а старинным, почтенным аксессуаром всех исследователей истории культуры. Это как раз и привело к установлению общепринятого деления народов на охотничьи, скотоводческие и земледельческие, которое на все лады повторяется во всех историях культуры, и к которому, после долгих колебаний, в конце концов приходит и сам г. Гроссе. Но это представление не только очень старо, но также—в той плоской трактовке, которая дана ему Гроссе,— неверно. Если мы знаем лишь то, что такой-то народ живет охотой, скотоводством или земледелием, то мы еще ничего не знаем о его производственных отношениях и его культуре» (стр. 107).

«Как раз против такого рода грубого и упрощенного «материализма», учитывающего только внешние природные условия производства и культуры и нашедшего своего лучшего и исчерпывающего выразителя в английском социологе Бокле, и выступили Маркс и Энгельс. Не внешние естественные источники пропитания определяют хозяйственные и культурные отношения людей, но те отношения, в которые становятся люди друг к другу в процессе труда. Общественные отношения производства отвечают на вопрос: какая форма производства господствует у данного народа. Лишь основательно поняв эту сторону производства, можно уяснить себе определяющее влияние производства народа на его семейные отношения, на его правовые представления, его религиозные воззрения, на развитие его искусств» (стр. 108—109; подчеркнуто мною — А. Т.).

Схема Гроссе, это—в несколько модернизированном виде—та самая схема, которая восходит к «просвещению» XVIII века, которую во Франции развивал Руссо, а в Германии Гердер. Но если невнимание к специфическим формам производства в первобытные времена имело у писателей просвещения—как теоретически, так и практически—прогрессивно-революционный смысл, то у Гроссе и К^о, пишущих после появления исторического материализма и после подбора громадного фактического материала, оно имеет смысл глубоко реакционный. «Первобытные времена» были для эпохи просвещения идеализированным и проецированным в прошлое

буржуазным обществом, полемически обращенным против общества феодального с его гнилостью и деспотизмом на одном полюсе, с его нищетой и скотской придавленностью—на другом. Это было напоминанием феодальному обществу, что на его челе напечатлено клеймо брэнности и что человек низведен в нем даже ниже уровня «дикаря». Теоретически же первобытная история в изображении эпохи просвещения есть первое, еще грубое звено той цепи, которая ведет к величественному буржуазно-революционному идеалистическому пониманию истории Гегеля и материалистически-диалектическому—Маркса и Энгельса. У Гроссе и К^о центр тяжести в противоположном: теоретически—в борьбе против революционной теории нашего времени, против марксизма, практически—в борьбе нисходящего капитализма, т.-е. империализма, как против революционного рабочего класса, прокладывающего путь социализму, так и против колониальных народов, его союзников в борьбе, и жертв разрушительной деятельности империализма.

Маркс неоднократно потешается над неспособностью буржуазных экономистов различать разные формы производства, напр., над каким-нибудь Торренсом, который называет палку «дикаря» первым видом капитала, или над Адамом Смитом, который фантастически превращает «дикаря» в производителя товаров. Эта грубость мысли, это неумение различать исторические формы производства есть неизбежный результат неспособности понять само капиталистическое производство как особую, преходящую форму хозяйства, т.-е. результат буржуазной классовой ограниченности. Но если у Адама Смита и т. д. все это еще наивно, то у нынешней буржуазной экономики, буржуазной этнологии и т. д. это превратилось в сознательное, тенденциозное искажение.

Гроссе дает следующую схему связи между «формами» человеческого хозяйства и производства:

- 1) период охоты—отдельная семья и господство мужчин;
- 2) период скотоводства—отдельная семья и усиление господства мужчин;
- 3) период примитивного земледелия—отдельная семья со спорадическим господством женщин, но затем подчинение земледельцев скотоводам и, стало быть, снова отдельная семья, в которой господствует мужчина.

Роза Люксембург указывает, что в этой схеме исчезают не только формы производства, но также формы семьи и их развитие, что разнообразие семейных форм сводится в ней к простой противоположности «господство мужчин—господство женщин» и что при этом отдельная семья представляется каким-то неподвижным полюсом в потоке явлений, началом, серединой и концом истории, чем-то таким, что в историческом процессе подвергается лишь незначительным вариациям. В основе самого понятия «отдельной семьи» лежит при этом типично буржуазное филистерское представление о конкуренции двух компаньонов, мужчины и женщины, участвующих в общем деле и пользующихся той или другой долей власти в зависимости от величины вклада.

«Несчастливая доля женского пола приводит, однако, к тому, что только один раз в истории в виде исключения—при примитивном мотыжном земледелии—женщина становится кормильцем семьи, но и в этом случае она должна была, большей частью, уступать воинственному мужскому полу. И, таким образом, история форм семьи, в сущности говоря, есть просто история порабощения женщины при всех «формах производства» и вопреки всем формам производства» (стр. 112).

Не менее характерно для Гроссе тенденциозно-фальшивое умаление исторической роли родового союза («gens») по сравнению с отдельной семьей.

Гроссе старается, далее, показать, что общественное развитие человечества началось не с общинной, а с частной собственности, и что чем глубже мы уходим в первобытную историю, тем исключительнее властвует «индивидуум» со своим «индивидуальным имуществом». Чтобы получить этот удивительный результат, ниспровергающий все исторические факты (как то подробно показывает Роза Люксембург), Гроссе поступает так: он берет масштабом «недвижимость» и «движимость», т.-е. категории, взятые из обществ, основанных на частной собственности, затем смотрит, какая из этих двух категорий «играет большую роль» и, таким образом, повсюду открывает преобладание «частной собственности», так что даже общества с ясно выраженной общинной собственностью на землю вычеркиваются им из ряда коммунистических форм.

Ясно, что таким путем мы повсюду в истории найдем «частную собственность». Рассуждая так, можно и «капитал» отнести ко времени эолитов, самых грубых каменных орудий.

Роза Люксембург иронически замечает по этому поводу:

«Если положить в основу этот глубокомысленный критерий, то распространенные на Востоке общины нищих, складывающие полученную членами общины милостыню в общий котел для совместного прокормления,—или шайка воров, коллективно наслаждающихся награбленным добром,—являются коммунистическим хозяйственным «сообществом» чистейшей воды. Наоборот, марка, община, владеющая коллективно землей и коллективно ее обрабатывающая, но распределяющая урожай по семьям—каждой семье в соответствии с обработанным ею участком—будет считаться «хозяйственным сообществом в весьма условном смысле». Одним словом, решающим моментом при определении характера производства будет, согласно этому пониманию, право собственности на средства потребления, а не на средства производства, т.-е. условия потребления, а не производства» (стр. 132—133).

Тут мы подошли к одному из решающих пунктов политико-экономической теории, именно к вопросу об основоположном, характерном признаке исторически сменяющихся форм производства, о том, что во всякой форме определяет строение экономического целого, а также его частей и их взаимных отношений. Этот признак должен быть вместе с тем решающим для различения разных хозяйственных форм. Иначе этот вопрос можно поставить так: что такое «производственные отношения»?

Необходимо привести здесь существенные места из ответа Розы Люксембург на этот вопрос:

«Техника общественного труда точно указывает нам достигнутую в данный момент ступень овладения человеком внешней природой. Каждый новый шаг по пути усовершенствования производственной техники есть в то же самое время шаг вперед по пути подчинения человеческому гению физической природы и, следовательно, шаг вперед в развитии общей человеческой культуры. Но если мы хотим специально исследовать формы производства человеческого общества, то для нас недостаточно знать отношение человека к природе; в этом случае нас интересует в первую

очередь другая сторона человеческого труда: отношения, в которые люди вступают в процессе труда между собою, т.-е. нас интересует не техника производства, а его общественная организация... Следовательно, само производство является первым и важнейшим моментом хозяйственной жизни общества. В процессе же производства решающим является отношение работающих к средствам производства» (стр. 133—134).

«Именно отношение работающего человека к средствам производства является основным вопросом производства и решающим его фактором. Мы имеем в виду не техническое отношение, не большую или меньшую степень совершенства средств производства, которыми работает человек, и не приемы, к которым прибегает человек при работе. Мы имеем в виду общественное отношение человеческой рабочей силы к мертвым средствам производства, вопрос о том, кому принадлежат средства производства? На протяжении истории это отношение многократно менялось. Но всякий раз при этом менялся и весь характер производства, характер разделения труда и распределение продуктов, направление и размеры обмена, и, наконец, вся материальная и духовная жизнь общества. Все это находится в зависимости от того, владеют ли работающие коллективно или индивидуально своими средствами производства, или они лишены их вообще; являются ли они сами вместе со средствами производства таким же средством производства, собственностью неработающих, прикреплены ли они, как крепостные, к средствам производства, или же они являются свободными людьми, лишенными средств производства, вынужденными продавать свою рабочую силу как средство производства; в зависимости от того, живут ли они в условиях коммунистического, мелкокрестьянского и ремесленного производства, рабовладельческого хозяйства, в условиях крепостного хозяйства, или, наконец, в условиях капиталистического хозяйства с системой наемного труда. Каждой из этих форм хозяйства присущи свои особые формы разделения труда, распределения продуктов, обмена, социальной, правовой и духовной жизни. Достаточно коренного изменения в отношениях между работниками и средствами производства, чтобы всякий раз радикально менялись и все

другие стороны хозяйственной, политической и духовной жизни, чтобы возникало совершенно новое общество. Правда, между всеми этими сторонами хозяйственной жизни общества существует непрерывное взаимодействие. Не только отношение рабочей силы к средствам производства влияет на разделение труда, на распределение продуктов, на обмен, но и эти последние воздействуют, с своей стороны, на это отношение. Но характер влияний в обоих случаях различен. Господствующие на каждой ступени хозяйства формы разделения труда, распределения благ и, в частности, обмен, могут до известной степени разрушающе действовать на отношение между рабочей силой и средствами производства, из которого они сами выросли. Их форма меняется лишь тогда, когда в изживших себя отношениях между рабочей силой и средствами производства произошел коренной переворот, разыгралась настоящая революция. Таким образом перевороты в отношениях между рабочей силой и средствами производства и являются основными вехами на пути истории хозяйственной жизни, они образуют естественные эпохи в экономическом развитии человеческого общества» (стр. 135—136).

Данное здесь Розой Люксембург определение «производственных отношений», отграничение их от производственной техники и определение взаимоотношений между отдельными сторонами экономической жизни принадлежит к самому ясному и наглядному из всего, что было до сих пор сказано в этой области. Для большей полноты было бы, однако, нужно не только отграничить производственные отношения от техники производства, но и указать их взаимную связь. Маркс говорит где-то, что ручной ткацкий станок и механический ткацкий станок обуславливают две различные общественные формы. Но дело обстоит не так, чтобы какая-нибудь определенная ступень производственной техники однозначно определяла форму производства. Связь тут не непосредственная, а опосредствованная, не односторонняя, а двусторонняя, и обе эти линии развития не параллельны, а пересекают друг друга.

Посредствующим звеном служит, очевидно, род и размер кооперации, которая требуется определенной техникой, при чем, однако, из факта непрерывно развивающейся тех-

ники отнюдь не вытекает столь же непрерывный рост ко- операции. Поясним это примером. Охота на крупную дичь с помощью снарядов и методов раннего и позднего ка- менного века (в котором еще жили австралийские туземцы ко времени их открытия), — охота с помощью кремня или снабженного острой костью деревянного копья, бумеранга, волчьих ям, палицы и т. д., — безусловно требовала, чтобы охотились группами. Некоторая высшая ступень техники делает, наоборот, возможной единичную охоту на крупную дичь и т. д. Размеры и род кооперации могут, в свою очередь, соединяться с различными общественными формами. Производственная техника оказывает общественное влияние только на посредствующее звено производственных отно- шений. Каждая из бывших доселе хозяйственных форм имела своей предпосылкой определенную ступень техники, но ставила вместе с тем развитию последней опреде- ленные общественные границы, прорвать которые была в состоянии только революция. Капиталистическая си- стема не составляет исключения из этого правила. Самодо- влеющее развитие производственной техники, эта излюблен- ная мечта радикальной интеллигенции, — пустой вымысел. Луч техники доходит до человека не иначе, как преломившись в среде общественной организации труда.

Более кратко, но не менее удачно расправляется Роза Люксембург и с известной историко-экономической схемой профессора Бюхера: замкнутое домашнее хозяйство, город- ское хозяйство и «народное хозяйство». Бюхер берет мас- штабом экономического развития не производственные отно- шения, а отношения обмена, и приходит, таким обра- зом, к несуразному объединению коммунистической сельской общины, афинского хозяйства, основанного на рабском труде, и феодального хозяйства под общей рубрикой «хозяйства без обмена». Несуразность заключается не только в том, что здесь смешаны в одну кашу совершенно отличные друг от друга хозяйственные формы, но в особенности в том, что «хозяйство без обмена», как правильно замечает Роза Люксембург, «есть профессорская химера, которая до сих пор нигде на земле еще не обнаружена и которая в приме- нении к античной Греции и Риму, а также к феодальному средневековью, начиная с X ст., представляют собою фан-

тазию, ошеломляющую своей смелостью» — как и в приме- нении, добавим мы, к древнейшему первобытному времени, в чем можно убедиться из любого руководства по перво- бытной истории.

О причинах, в силу которых для рабочего класса крайне важно не только отграничить древнее коммунистическое общество от позднейшего классового, Роза Люксембург за- мечает:

«Лишь тот, кто отдаст себе ясный отчет в специфиче- ских экономических особенностях первобытно-коммунистиче- ского общества, а также в особенностях античного рабовла- дельческого хозяйства и средневекового барщинного хозяй- ства, тот сможет с полной отчетливостью понять, почему современное капиталистическое классовое общество впервые открывает историческую возможность осуществления социа- лизма и в чем заключается существенное отличие социали- стического мирового хозяйства будущего от примитивных коммунистических групп первобытных времен» (стр. 144).

Для нас к этому присоединяется еще одно соображе- ние — интересы социалистического строительства, его этапов и форм. Без основательного теоретического уразумения того, как относится социалистическое хозяйство не только к капи- талистическому, но и к простому товарному хозяйству (т.-е., в первую очередь, к крестьянскому) и к различным формам натурального, нельзя правильно вести ни хозяйство ни по- литику социалистического государства. Все это стало теперь злободневными практическими вопросами социалистического строительства.

Роза Люксембург начинает свое изображение примитив- ного коммунистического общества с германской общины- марки, как наилучше исследованной. Затем она переходит к поземельной общине в государстве инков (Перу). В суще- ственных чертах последняя совпадает с германской, но обна- руживает одно своеобразное явление, которое освещается очень полно Розой Люксембург: я говорю о факте эксплоа- тации и подчинения одних коммунистических организованных племен другими, организованными так же, туземных племен страны вторгшимися племенами завоевателей — инков.

Роза Люксембург показывает на этом примере, в какие узкие границы был поставлен первобытный коммунистиче-

ский коллектив и как это обстоятельство послужило причиной его разложения:

«Первобытно-коммунистическое общество не знало общих принципов для всех людей; равенство и солидарность вытекали здесь из традиций общих кровных уз и из общего владения средствами производства. И лишь на тех, на кого распространялись эти узы крови и это владение, распространялось также равенство прав и солидарность интересов.

Что лежало вне этих интересов,—а они не выходили за пределы четырех пограничных столбов деревни или в лучшем случае за пределы областной границы племени,—было ему чуждо и, следовательно, могло стать враждебным. Более того, построенные на началах хозяйственной солидарности коллективы могли и должны были, вследствие недостаточного развития производства, недостаточности или истощения источников питания при возрастающем населении, вступать периодически в конфликты с другими аналогичными общинами. В таких случаях вопрос решался борьбой, не на жизнь, а на смерть, войной, которая приводила к истреблению одной из борющихся сторон, или чаще всего к покорению одной из них другой, и к следовавшей вслед за ним эксплуатации. В основе первобытного коммунизма лежали не абстрактные принципы равенства и свободы, а железная необходимость, продиктованная низкой степенью развития человеческой культуры, беспомощность людей перед внешней природой, которая вынуждала их объединенными усилиями и планомерным трудом вести борьбу за существование. Но эта же слабая степень господства над природой приводила к тому, что общий план труда и общее его выполнение были мыслимы лишь в пределах незначительных по размерам природных пастбищ или возделываемых первобытным способом деревенских участков, что делало применение общественного труда в более широком масштабе невозможным. Прimitивное состояние сельского хозяйства ограничивало культурное развитие рамками деревенской марки и ставило весьма узкие границы солидарности интересов» (стр. 153—154).

Исходя из этих положений, Роза Люксембург несколькими штрихами выясняет сущность спартанского общества, отношение организованных в сельские общины спартиатов (дорян) к илотам, которые первоначально были

тоже коммунистически организованы, но затем были лишены своей земли коммунистическими завоевателями и отданы, в качестве рабочей силы, в распоряжение отдельных членов общин для полевых работ.

Но отношение эксплуатации и господства между коммунистическими коллективами вносит зародыши разложения в самый господствующий коллектив:

«Уже факт завоевания и необходимость упрочить эксплуатацию, как постоянное явление, вызывают сильное развитие военщины, которое мы наблюдаем как в государстве инков, так и в спартанских государствах. Этим самым закладывается первая основа для неравенства и выделения из среды первоначально равноправной и свободной крестьянской массы привилегированных сословий. Если к этому присоединяются благоприятные географические и культурно-исторические условия, содействующие путем столкновения с более образованными народами развитию более утонченных потребностей и оживленного обмена, тогда неравенство быстро развивается и среди господствующих племен, коммунистическая спайка ослабевает, уступая место частной собственности с ее делением на богатых и бедных. Классическим примером этих процессов служит ранняя история греков после их столкновения со старыми культурными народами Востока. Так, порабощение одного примитивно-коммунистического общества другим рано или поздно приводит к тем же результатам: к разрыву традиционных коммунистических общественных связей, как у победителей, так и у побежденных, и к созданию новой общественной формации, в которой, взаимно друг друга порождая, одновременно появляются на свет частная собственность, неравенство и эксплуатация.

И история общинного союза в классической древности приводит к двойному противоречию интересов: с одной стороны, задолженная масса мелкого крестьянства противостоит дворянству, присвоившему себе крупную земельную собственность из неразделенных общинных владений и монополизировавшему в своих руках как торговлю, так и государственную и в частности военную службу; с другой стороны, этому обществу свободных граждан в целом противостоят эксплуатируемые рабы. От этих многообразных

форм натурально-хозяйственной эксплуатации со стороны целых общин поработанных ими племен оставался один лишь шаг к покупке рабов отдельными лицами. И этот переход быстро совершился в Греции, в государствах, расположенных на островах и на морском побережье, благодаря морскому сообщению и международной торговле» (стр. 157—158).

Гомеровские поэмы удивительно пластично изображают один из типичных ранних этапов этого развития.

С другой стороны, Роза Люксембург показывает, как разлагалось государство инков под давлением испанских завоевателей и как одновременно возникали новые формы эксплуатации. Без знания истории этого периода невозможно понять социальные условия в современной Южной Америке, в особенности институт пеонажа. Затем Роза Люксембург переходит к различным формам первобытной коммунистической общины в Индии, в которой содержится ключ к пониманию более развитых форм, встречающихся в Европе на заре истории у германцев, кельтов, славян и т. д. Она показывает, как в Индии и других восточных странах из особых функций, которых требовало руководство орошением, возникает на почве первобытной коммунистической общины особая социальная власть жрецов.

«Из этой чисто хозяйственной функции со временем, естественно, возникла особенная социальная мощь священников, и благодаря специализации одной части общества, вытекавшей из разделения труда, выросла наследственная замкнутая каста, обладавшая привилегиями по отношению к крестьянству и стремившаяся его эксплуатировать.

Как далеко заходил этот процесс у того или иного народа,—оставался ли он в начальной стадии, как у перуанских индейцев, или переходил в настоящее государственное господство духовенства, в теократию, как в Египте или у древних евреев,—зависело в каждом отдельном случае от особых географических и исторических условий, особенно же от того, часто ли имели место военные столкновения с соседними народами. В последнем случае, наряду с кастой священников, возникала мощная военная каста, которая в виде военного дворянства конкурировала с духовенством» (стр. 170).

Главные формы индийской поземельной общины, в порядке их исторического преемства, по Ковалевскому следующие:

1. Чисто родовая община (совокупность кровных родичей одного рода) с нераздельным владением землей и совместной ее обработкой. Делится только урожаем, сохраняемый в общих деревенских амбарах.

2. Семейная община с поделенной пахотной землей, но с неравными семейными наделами, определяемыми степенью родства с предками. Наделы становятся иногда наследственными; наряду с этим продолжает существовать и нераздельная общинная земля.

3. Традиция кровных уз ослабевает. Неравенство семейных наделов становится нестерпимым, и так возникает община с равными семейными нарезками из общинной земли, которая делится на несколько конов («wund»), в зависимости от свойств почвы. Сначала — распределение участков по потребности, затем—периодические переделы земли.

«Таким образом индусская родовая община приходит в результате своего распада к той форме, которая исторически является исходным пунктом первобытной германской марки» (стр. 175).

В заключение Роза Люксембург изображает разложение русской крестьянской общины—«превращение, под гнетом царского деспотизма», «общинного строя в аппарат для выжимания налогов», а с другой стороны—появление в деревне ростовщичества, деревенской буржуазии, господствующей над мирским сходом, большинство которого задолжено ей и зависимо от нее.

Подводя итоги, Роза Люксембург показывает, как зародыши разложения заложены внутри самого первобытно-коммунистического общества—в узких границах его производительных сил. Первобытная коммунистическая община препятствует переходу к более высоким ступеням земледелия, к более интенсивной обработке земли, так как тогдашний уровень сельскохозяйственной техники требовал «более прочной и глубокой связи личной рабочей силы с землей», в форме индивидуального мелкого хозяйства. Особую роль играет при этом удобрение почвы.

«Быстрее и интенсивнее действует разлагающим образом другой фактор: неизбежная передача обширных хозяйственных задач общественного характера (вроде искусственного орошения) в руки специальных органов, которые в конце концов превращаются в наследственную господствующую касту. Третьим фактором является специализация военного дела в руках определенного слоя. Так повсюду в примитивных обществах возникает неравенство и эксплуатация.

Во всяком случае, социальное неравенство и деспотизм примитивных обществ весьма существенно отличается по крайней мере от тех форм, которые господствуют в цивилизованных обществах и которые были ими привнесены впоследствии в примитивное общество. Возвышение первобытного дворянства и деспотическая власть первобытного вождя в такой же мере представляют естественный продукт развития этого общества, как и все прочие его жизненные условия. Они являются лишь иным выражением той беспомощности по отношению к природе и собственным общественным отношениям, которую испытывает это общество,—беспомощности, проявляющейся в такой же степени в колдовстве, практикуемом им, как и в периодически наступающих голодовках, от которых деспотические вожди целиком или частично гибнут вместе с подвластной им массой.

Это господство дворянства и вождей находится в полной гармонии с материальными и духовными условиями жизни общества в тот период. Это видно из того знаменательного факта, что политическая власть первобытных владыков постоянно самым тесным образом переплетается с первобытной естественной религией и с культом умерших предков» (стр. 193).

Поэтому подобное общество может существовать тысячелетиями в этих условиях деспотизма и неравенства, которые согласуются с естественными формами его жизни и не колеблют его основу.

Наоборот, вторгающийся европейский капитализм кратчайшим путем отнимает у этих коллективов их социальную основу—важнейшее средство их общего производства—землю и приводит их таким образом к гибели.

4. Товарное производство. Закон заработной платы.

Глава о товарном производстве вполне закончена. Изложение прозрачно и достигает большой наглядности благодаря многочисленным историческим примерам.

Остановимся на некоторых характерных пунктах.

Замечательна уже самая постановка вопроса, которая берет капитализм и простое товарное производство в их историческом своеобразии. Вопрос ставится Розой Люксембург так: «как возможно капиталистическое общество», хотя оно не знает ни плана ни организации? И. Дицген подходит к вопросу с той же стороны, когда пишет: «Познать социальную сущность нашего протекающего в частных формах труда,—такова была научная задача политической экономии»¹⁾. Этот способ постановки вопроса уже включает в себе диалектически-революционный метод исследования.

Отметим далее установление того факта, что общественное объединение индивидуальных товаропроизводителей в процессе товарного производства не есть нечто раз навсегда застывшее, но нечто текучее, что все время возобновляется и снова разлагается в диалектическом процессе:

«Производство товаров стало условием существования людей; перед нами такой общественный порядок, при котором все люди живут обособленно, как изолированные индивидуумы, не существующие друг для друга; лишь через свои товары они попеременно связываются с общественным целым или вытесняются из него. Перед нами в высшей степени подвижное и непрочное общество, члены которого находятся в каком-то непрерывном водовороте» (стр. 207).

Сказанное здесь о простом товарном производстве относится, на более высокой ступени, и к развитому капиталистическому производству. Индивидуальный товаропроизводитель может здесь раздуться до многообразно расчлененного треста, представляющего внутри себя планомерное целое, но принципиально это ничего не изменяет в противо-

¹⁾ И. Дицген. «Капитал» Маркса. Полное собр. соч., т. III, стр. 72 (немецкого издания).

речии между частным проявлением и общественной сущностью труда и в противоречивом, текучем, неустойчивом характере общественного объединения. Противоречивый и несознаваемый самими членами общества характер их общественной связи уже включает в себе условие возможности—или, вернее, необходимости—временных и частичных разрывов в этой связи во всех пунктах системы. Интересен, далее, у Розы Люксембург вывод товарного производства и обмена из первобытно-коммунистических хозяйственных форм.

Она ставит вопрос: как возможно появление разделения труда, которое может развиваться только в результате частной собственности и обмена, но которое, с другой стороны, является исторической предпосылкой того и другого?

«Таким образом мы натываемся на странное противоречие: обмен возможен лишь при частной собственности и развитом разделении труда, разделение же труда может возникнуть лишь при наличии обмена и частной собственности, частная же собственность, с своей стороны, возникает лишь благодаря обмену. Если присмотреться ближе, то обнаружите даже двойное противоречие: разделение труда должно предшествовать обмену, а обмен должен существовать уже при разделении труда, и далее: частная собственность является предпосылкой разделения труда и обмена, но она не может развиваться иначе, как лишь в результате разделения труда и обмена. Как возможно подобное переплетение?» (стр. 220).

Разрешение этого противоречия осуществляется путем длительного исторического процесса. Обмен возникает впервые у первобытных коммунистических племен и общин, причем он происходит между племенами и общинами, как целыми, а не между отдельными лицами. Отсюда развивается разделение труда между племенами и общинами, которое имеет своей основой своеобразие их продуктов, проистекающее из естественных условий. С возрастанием оживленности и регулярности этого обмена появляются и укореняются деньги. Это, в свою очередь, ускоряет распространение торговли, торговля вносит разложение в среду первобытно-коммунистических, а также феодальных коллективов, и т. д.

Из главы о заработной плате отметим два замечания. Первое направлено против самодовольно-ограниченного обра-

за мыслей рабочей аристократии и соответствующего ей реформизма, который характеризуется именно тем, что обращает внимание только на условия жизни рабочей аристократии, а не всего класса. По этому поводу Роза Люксембург замечает:

«Жизненный уровень самых низших слоев пролетариата определяется, следовательно, теми же самыми законами капиталистического производства, которые тянут его то вниз, то вверх, и пролетариат лишь вместе с широким слоем сельских рабочих, а также с резервной армией безработных, одним словом, лишь как совокупность всех слоев, начиная от самых высших и кончая самыми низшими, образует некоторое органическое целое, социальный класс; и только исследование нужды и угнетенности различных слоев этого класса дает нам возможность получить правильное представление о капиталистическом законе заработной платы в целом» (стр. 277).

И недостаточно, прибавим мы, иметь в виду рабочий класс только одной какой-либо страны или хотя бы только капиталистических стран,—нет, лишь вместе с рабочими колониальных стран представляет он собою осуществление капиталистического закона заработной платы в полном объеме.

Как оказывается, понимание этой теоретической истины становится вполне доступно аристократическим верхушкам рабочего класса, в особенности господствующих империалистических стран, только тогда, когда опыт практически демонстрирует им «органическую» связь всех частей рабочего класса—когда верхушки увлекаются вниз низами.

Второе замечание касается «относительной заработной платы», т.-е. постоянного сокращения доли заработной платы благодаря повышению производительности труда, развитию техники. Это явление есть результат товарного характера рабочей силы.

«Борьба против понижения относительной заработной платы означает поэтому борьбу против товарного характера рабочей силы, т.-е. против всего капиталистического производства в целом. Борьба против понижения относительной заработной платы является поэтому уже не борьбой на почве товарного хозяйства, а революционным нападением на самое существование этого хозяйства, направленным к его

ниспровержению; это и есть социалистическое движение пролетариата» (стр. 272).

Переход от борьбы за абсолютную к борьбе за относительную заработную плату есть, таким образом, точное экономическое выражение перехода от чисто профессиональной борьбы рабочего класса к его революционной и политической борьбе.

5. Заключительная глава-фрагмент.

Последняя глава о «тенденциях капиталистического хозяйства» явно имеется только в форме наброска и к тому же незаконченного наброска.

Только этим ее характером объясняется то, что из нее можно вынести впечатление о каком-то механическом конце капитализма, как результате противоречия между границами рынка и потребностью в использовании капитала в условиях распространившегося по всей земле капиталистического производства. Достаточно сравнить относящиеся сюда отделы из «Накопления», чтобы убедиться в совершенной ошибочности такого понимания.

Ограничимся следующей цитатой из названной книги: «Империализм есть в такой же мере исторический метод для продления существования капитала, как и вернейшее средство кратчайшим путем объективно положить предел его существованию. Это не значит, что этот конечный пункт педантически должен быть достигнут. Уже тенденция к этой конечной цели капиталистического развития проявляется в таких формах, которые обращают заключительную фазу капитализма в период катастроф» (XXXI глава, стр. 424).

А в той же заключительной главе «Введения» встречается следующая замечательная фраза, дающая экономическую характеристику процесса нисхождения капитализма: «Неудержимо, с каждым шагом своего собственного развития, капиталистическое производство приближается к тому времени, когда оно сможет развиваться лишь значительно более медленно и со значительно большими трудностями» (стр. 291).

Одновременно Роза Люксембург указывает на то, что сам по себе капиталистический способ производства имеет

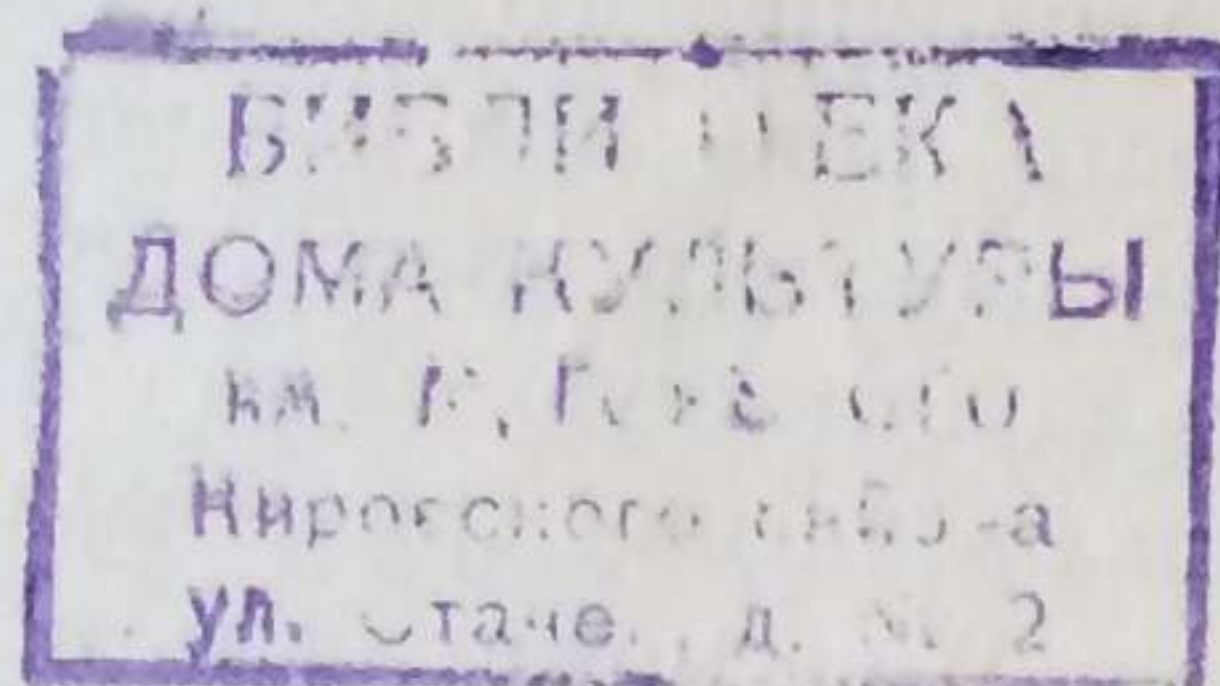
еще перед собой много мест, где он только впервые мог бы укорениться. Но в этом процессе его фундаментальные противоречия, военные катастрофы и социальные кризисы будут все учащаться и обостряться. Социалистическая революция уже началась с окончанием мировой войны, и отныне она переплетается с дальнейшим развитием империализма, стремясь к расширению и ускоряя и усиливая кризисы, возникающие на почве империалистической эксплуатации.

Читатель с огорчением отметит, что в книге Розы Люксембург отсутствуют все те разнообразные экономические вопросы, которые специально связаны с империалистической стадией капитализма, не затронут вовсе вопрос о кризисах и т. д.

Впрочем, предлагаемую книгу Розы Люксембург нужно оценивать по тому, что она содержит и на что рассчитана. Книга не стремится быть учебником политической экономии, но введением в нее, т.-е. подготовкой к изучению «Капитала» Маркса и явлений капиталистического хозяйства вообще.

И, как такое введение, она содержит в себе, несмотря на свой фрагментарный и местами незаконченный характер, не только множество блестящих мыслей, интересных замечаний, отдельных исследований, но прежде всего мастерское изложение и применение марксистского метода, приучающее учащегося революционного рабочего, для которого и предназначена книга, к острому, критическому, самостоятельному мышлению, но в то же время интересное и для марксистского исследователя вскрытием целого ряда новых проблем или новым, неожиданным освещением уже известных.

Книга дает могущественный толчок к самостоятельному изучению и исследованию. Как Кант хотел научить своих учеников «философствованию», а не дать им готовую философию, так и Роза Люксембург стремилась и в своем преподавании, а в настоящей книге в особенности, приучить своих слушателей и читателей к экономическому мышлению согласно исторически-диалектическому методу. Эта цель достигнута книгой Розы Люксембург едва ли не лучше, чем каким бы то ни было другим сочинением после-марксистской экономической литературы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От издательства	3
Вместо предисловия: А. Тальгеймер—о книге Розы Люксембург «Введение в политическую экономию»	5
Дополнение к предисловию	40
I. Что такое политическая экономия?	47
III. Из истории народного хозяйства	125
IV. Из истории народного хозяйства (продолжение)	196
1) Германская марка	—
2) Община на Вест-Индских островах и Американском материке	200
3) Индийская община	219
4) Русская община	227
5) Общий процесс разложения первобытно-коммунистического хозяйства	236
V. Товарное производство	248
1) Обмен как основная связь товарного общества	—
2) Происхождение денег и их необходимость. Функция денег	260
3) Исторические условия превращения натурального общества в товарное	269
4) Загадка денежной формы и основанные на ней заблуждения	282
VI. Закон заработной платы	289
1) Товар—рабочая сила	—
2) Капиталистическая форма эксплуатации	298
3) Возникновение резервной армии пролетариата	313
4) Доля рабочего в общественном продукте (относительная заработная плата)	321
5) Закон заработной платы и рабочие организации	327
6) Так называемый «железный закон заработной платы»	330
7) Первоначальное накопление капитала и происхождение пролетариата	334
VII. Тенденции капиталистического хозяйства	337
Приложение: Отдельные заметки автора, не вошедшие в текст	349

1940 г.
Р. Акт № С. 161/16

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Богданов, А.— Начальный курс политической экономии в вопросах и ответах. Стр. 148. Ц. 60 к.

Богданов, А.— Краткий курс экономической науки. Стр. 364. Ц. 1 р. 25 к.

Богданов, А. и И. Степанов.— Курс политической экономии.

    Том I. От первобытного родового коммунизма до идеологии предкапиталистической эпохи. Изд. 4-е, исправл. и дополненн. Стр. 345. Ц. 2 р. 25 к.

    Том II. Вып. I. Эпоха торгового капитала. Изд. 2-е, пересмотр. Стр. 188. Ц. 1 р. 10 к.

    Том II. Вып. IV. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. Стр. 306. Ц. 1 р. 50 к.

Борхардт, Ю.— Основные положения политической экономии по учению Карла Маркса. Перевод Ф. О. Ямпольской, под редакцией Э. Э. Эссена. (Б-ка обществоведения.) Стр. 144. Ц. 75 к.

Борхардт, Ю.— Накопление капитала. (Печ.)

Вольфсон, М. Б.— Элементарный курс политической экономии. Изд. 3-е. Стр. 176. Ц. 55 к.

Вопросы политической экономии. Хрестоматия по Ленину. Пособие для совпартшкол и комвузов. Составлено и снабжено примечаниями и указателем под ред. Ш. М. Дволайцкого. Изд. 2-е, исправл. Стр. 278. Ц. 1 р. 40 к.

Гильфердинг, Р.— Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Пер. с нем. И. Степанова. Изд. 5-е, стереотипн. Стр. XIX, 460. Ц. 2 р. 50 к.

Гинзбург, А. М.— Экономия промышленности. Часть I. Промышленность и ее организационные формы. Лекции, читанные в Институте Народного Хозяйства имени Г. В. Плеханова. Стр. 328. Ц. 2 р.

Гожанский, С. И.— Очерки по политической экономии. Пособие для партшкол, парткружков, профкружков, рабфаков и самообразования. Вып. I. Заработная плата. Стр. 110. Ц. 50 к.

Каутский, Карл.— Экономическое учение Карла Маркса (в общедоступном изложении). Перевод с 15-го немецкого издания А. О. Вайнштейна. Под редакцией Э. Э. Эссена. (Б-ка обществоведения.) Стр. 202. Ц. 70 к.

Кон, А.— Теория промышленного капитализма. (Тезисы и планы по политической экономии.) Изд. 2-е, перераб. и дополн. Стр. 109. Ц. 90 к.

Кулишер, И.— История экономического быта западной Европы. Том I. (Печ.) Том II. (Печ.)

Кузовков, Д.— Финансовая система в период первоначального социалистического накопления. Задачи и методы. Стр. 67. Ц. 70 к.